

А. П. НЕПОКУПНЫЙ

ЛОКАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ В „БАЛТО-СЛАВЯНСКОМ СЛОВАРЕ“ Р. ТРАУТМАНА

0.1. В последние годы, в частности, в связи с развитием идеи об особой роли общих лексических инноваций в отношениях между отдельными индоевропейскими языками или группами языков¹, появился ряд работ, исходным пунктом для которых стал словарь Р. Траутмана². К числу таких относятся: статьи Я. Сафаревича и Ф. Славского о балто-славянских лексических новшествах в области глагола³ и существительного⁴, монография Хр. Станга об особых лексических соответствиях между славянскими, балтийскими и германскими языками⁵ и др.

0.2. Если на индоевропейском уровне вся область славянских языков выступает условно как нечто единое, то в вопросах языковых взаимоотношений славян и балтов все настойчивее проводится мысль о необходимости конкретизации: о каких именно славянах — восточных, западных или южных — идет речь, соответственно — о восточных или западных балтах и т.д. с учетом не только каждого отдельного языка из этих групп, но и его диалектов. Ср., в частности, выступление В. М. Иллича-Свитыча на IV Международном съезде славистов, где он говорил о том, что „должны существовать, с одной стороны, изоглоссы, связывающие часть балтийской области со всей славянской или с ее частью, с другой стороны, изоглоссы, связывающие часть славянской области со всей балтийской или с ее частью. Если изоглоссы первого рода известны, то изоглоссы второго рода обычно молчаливо

¹ См. В. Порциг, Членение индоевропейской языковой области, Москва, 1964, 84 и др.; Э. А. Макаев, Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики, Москва—Ленинград, 1964, 10 и др.

² R. Trautmann, Baltisch-Slavisches Wörterbuch, Göttingen, 1923 (далее — BSW).

³ J. Safarewicz, Ze słownictwa balto-słowiańskiego (Innowacje czasownikowe), — Studia językoznawcze, Warszawa, 1967, 245—257.

⁴ F. Sławski, Lexikalische Neuerungen im Baltisch-Slavischen, — Donum Balticum (To Professor Chr. S. Stang on the occasion of his seventieth birthday...), Stockholm, 1970, 501—505.

⁵ Chr. S. Stang, Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen, Oslo—Bergen—Tromsø, 1972.

игнорируются, причем это объясняется почти полным языковым единообразием славянской области⁶.

Возникает вопрос, как же отражена ареальная дифференциация общей балто-славянской инновационной лексики в словаре Р. Траутмана — дифференциация как со славянской, так и с балтийской стороны?

1.0.1. С целью определить, как по материалам Р. Траутмана словарь отдельных групп славянских языков относится к балтийской лексике, мы обратились к списку балто-славянских инноваций, предложенному Ф. Славским, и от него вновь вернулись к работе немецкого лингвиста на предмет установления представительства в ее соответствующих статьях данных восточно-, западно- и южнославянских языков. При этом нас интересовали только такие примеры новообразований, славянские соответствия которым в „Балто-славянском словаре“ оказались неполными, т.е. когда в иллюстрациях к статьям словаря материалы относились только к одной или двум (в различных сочетаниях) из трех зон славянского языкового мира — востоку, западу или югу.

При иллюстрировании статей примерами из современных славянских языков Р. Траутман, как он сам сообщил, „ограничивался одним представителем южных, западных и восточных славян, следуя этой старой схеме больше из практических соображений, чем по внутреннему убеждению“⁷.

Само собой разумеется, что, так сказать, некомплектность славянских соответствий в рассматриваемом словаре имеет как объективную (действительная география слов), так и субъективную (объем сведений, которыми в свое время располагал исследователь) сторону. Стремясь уменьшить последнюю, мы по мере возможности попытались учесть литературу, появившуюся за время после опубликования „Балто-славянского словаря“. Это позволило внести ряд коррективов в географию славянских лексем, о чем и сообщается после конспективного изложения материалов Р. Траутмана.

1.0.2. Лексические новшества, относящиеся к именам существительным, согласно списку Ф. Славского, представлены 289 примерами. Из этого перечня мы выбрали те аппелятивы, которые относятся к наименованиям из области живой и неживой природы. В целом этот лексикон охватил 150 названий. В 36 случаях из них славянские соответствия оказались неполными. Именно на этих последних примерах мы и остановимся более обстоятельно.

⁶ См. IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, II, — Проблемы славянского языкознания, Москва, 1962, 436.

⁷ R. Trautmann, BSW VI.

Приводимые ниже лексико-семантические группы балто-славянских новообразований поданы с учетом уточнений Ф. Славского и в основном по той же схеме, что и у польского лингвиста⁸. После наименования группы указывается общее количество инноваций и — в скобках — число слов с неполными славянскими соответствиями.

Для получения более общего представления о результатах проведенных наблюдений отличия внутри самих балтийских языков мы пока не будем принимать во внимание, а локальные соответствия балтийским лексемам в славянских языках представим обобщенно как восточно-, западно- или южнославянская зоны, условно обозначая их — соответственно — 1, 2 и 3. Каждая лексема вместе с ее значением приводится по словарю Р. Траутмана (в скобках указывается страница).

1.1.0. Рельеф — 22(6); **baugura*- „Hügel“ (28) — 1; **grumbā*- „Unebenheiten auf dem Wege“ (99) — 2; **kaupra*- „Hügel“ (138–139) — 1, 2; **lankja*- „Biegung“ (159–160) — 2, 3; **salpa*- „Wasserfall, Kaskade“ (256) — 3; **žūirsta*- „Kies“ (375) — 1, 3.

1.1.1. В терминологии рельефа выделяются два термина, один из которых известен в восточно-, другой — в западнославянской области. Русск. *бугор* (также и в украинском), которое родственно лтш. *baūgurs* „холм“, относится к числу праславянских диалектизмов русского словаря⁹. Еще интереснее сведения о польск. *grzeba* „возвышенность“. Этот географический термин, засвидетельствованный еще в памятниках XV–XVI вв., как отмечает Ф. Славский, „особенно част на севере Польши“¹⁰, т.е. ближе к территории балтийских языков. Не имея, по данным польского этимолога, определенных славянских соответствий, он состоит в родстве с лтш. *gruīmba* „морщина“, *gruīmbulis* „горб, неровность“, а также *graīmba* „неровная ухабистая дорога“¹¹.

Правда, в последние годы появилось сообщение об укр. *грабовище* „крутая возвышенность“ (Карашина Корсунь-Шевченковского р-на Черкасской обл.)¹² и о том, что „Р. В. Кравчук (картотека „Этимологического словаря украинского языка“) делает попытку связать его с польским *grzeba*, *grzeпа*

⁸ За исключением наименований земноводных и насекомых (5), а также названий метеорологических явлений и времени (11), которые имеют только общеславянские соответствия. Кроме того, на первое место вынесены названия рельефа.

⁹ О. Н. Трубочев, О составе праславянского словаря, — Славянское языкознание (V Международный съезд славистов. Доклады), Москва, 1963, 171.

¹⁰ F. Sławski, SEJP I 370.

¹¹ Там же.

¹² См. Т. А. Марусенко, Материалы к словарю украинских географических апеллятивов, Полесье — Москва, 1968, 224.

„возвышенность“ (**gręba*), исходя из более старого украинского *грябовище*¹³. Таким образом, можно предполагать, что обсуждаемая изоглосса является латышско-польско-украинской.

1.1.2. Среди других особенностей этой лексико-семантической группы отметим, что термины рельефа обнаруживают тесную связь с названиями частей тела. Так, Ф. Славский выделил в качестве исходной форму **kaupra* — „Hügel“, исходя из лит. *kauprà* „гора, холм“ с другой степенью вокализма, чем в лит. *kuprà* „нарост, горб“ и лтш. *kuprs* „то же“¹⁴. Однако у Р. Траутмана как изначальный вариант лексемы приведено *cupra* : *cupra* — „Vuc-*kel*“ с семантической специализацией в сфере наименований частей тела¹⁵, как и в родственных славянских формах (русск. *купер*, *купр* „крестец, копчик“, укр. *купер*, др.-чеш. и др.-польск. *kupr* „копчик, зад“)¹⁶. И все же независимо от того, какое из этих двух значений считать первичным, главным остается исключительно северное (русский, украинский, древнечешский и польский языки) распространение славянских рефлексов **kaupra*- (**kuprā*- : **cupra*-).

Аналогичным образом смежные значения (географический термин — растительность) представлены и в балто-славянских рефлексах **lankja*-: лтш. *luocis* „излучина реки“ и польск. *lacz* „осока“¹⁷.

Что же касается иллюстраций к слав. **solpъ*, попутно указанному в словаре Р. Траутмана, то их следует пополнить севернославянским материалом — ср. чеш. *slap* „водопад“¹⁸.

1.2.0. Растения — 30(5): **budja*- : **budulā*- „Schwamm“ (39) — 2; **degut*- „Birkenteer“ (49) — 1, 2; **kimena*- „eine Pflanze“ (133) — 2; **kōukšta*- „Busch“ (139) — 1; **lukna*- „Seerose“ (163) — 2.

1.2.1. Обращает на себя внимание, что эта группа названий оказывается исключительно севернославянской — ни сами по себе, ни в сочетании с восточно- или западнославянскими южнославянские языки здесь не выступают. Известные нам дополнения к некоторым из приведенных лексем касаются только расширения их западнославянского ареала за счет говоров русского или украинского языков. Так, М. Фасмер отнес псковско-новгородское

¹³ Ее же, Из наблюдений над украинскими названиями рельефов, — StSl XVIII (1972), 3–4, 221.

¹⁴ F. Sławski, SEJP I 503.

¹⁵ R. Trautmann, BSW 138.

¹⁶ М. Фасмер, ЭСРЯ II 420.

¹⁷ R. Trautmann, BSW 159–160.

¹⁸ E. Fraenkel, LEW II 760.

блицы „грибы, губки“ к одному ряду с лит. *budė* „древесная губка, гриб“¹⁹, так что этот диалектизм можно рассматривать как „элемент лексической общности, объединявший смежные территории западных славян, древних словен и литовцев“²⁰. К последнему мнению, дополнив географические данные о блицах петербургско-ленинградским ареалом, присоединился также и Ф. П. Филин, поскольку „заимствование от находящихся в VII и более поздних веках в отдалении от западных славян словен объяснить было бы труднее“²¹. При всем том, однако, в древнерусской письменности — ни ранней, ни поздней — слово *блицы* не обнаружено²².

Вопреки до сих пор существующему мнению о слав. **lъkno* „кувшинка (*Nymphaea*)“ как исключительно западнославянском явлении²³, данная лексика распространена и в Полесье: ср. *локно* „*Nuphar luteum* (L.) Sm. кубышка желтая“ (Велье Столинского р-на Брестской обл. БССР)²⁴, а также, по нашим наблюдениям, в с. Свитязь Любомльского р-на Волынской обл. УССР (*локно* „жовті або білі лілії на воді“).

1.2.2. Сведения об ареалах рефлексов **degut-*, **kimena-* и **kōukšta-* остаются на прежнем уровне, однако относительно первой лексемы до сих пор не было единого мнения о характере ее происхождения. К примеру, сам же Ф. Славский, хотя в данном случае и приводит **degut-* в списке балто-славянских новообразований, тем не менее в своем словаре писал, что география обсуждаемой лексемы „не противоречит мысли о ее заимствовании из балтийских языков“²⁵. В настоящее время решающим аргументом в пользу исконного характера этой лексемы в праславянском считается отмеченное еще Р. Траутманом указание на др.-чеш. „*dehet* (рано утратившееся), обозначавшее определенную породу хвойных деревьев“²⁶.

1.3.0. Животные — 24(6): **ačina-* „Widder“ (21) — 1, 3; **āžina-* „Haut“ (22) — 1, 3; **ēreinā-* „Lammfleisch; Lammwolle“ (70) — 1, 3; **karueinā-* „Kuh-

¹⁹ М. Фасмер, ЭСРЯ I 176.

²⁰ В. А. Меркулова, Очерки по русской народной номенклатуре растений, Москва, 1967, 174.

²¹ Ф. П. Филин, Происхождение русского, украинского и белорусского языков, Ленинград, 1972, 549.

²² Там же.

²³ О. Н. Трубачев, Заметки по этимологии и сравнительной грамматике, — Этимология 1968, Москва, 1971, 27; Н. Schuster-Sewc, *Slavia* XLIII (2) (1974) 403–404.

²⁴ Д. А. Бейлина, Материалы для полесского ботанического словаря, — Лексика Полесья, Москва, 1968, 424.

²⁵ F. Sławski, *SEJP* I 194.

²⁶ Р. В. Кравчук, Из проблематики лингвистического изучения Карпат, — Симпозиум по проблемам карпатского языкознания (24–26 апреля 1973 г.). Тезисы докладов и сообщений, Москва, 1973, 30.

fleisch“ (119) – 2, 3; **uilkeinā*- „Wolfsfell“ (359) – 3; **uilkītija*- „junger Wolf“ (359) – 3.

1.3.1. Отличительной чертой приведенного ряда названий, относящихся к животному миру, является то, что все эти соответствия представляют собой, строго говоря, не лексические, а лексико-словообразовательные параллели. Говоря о балто-южнославянских соответствиях, первую из них (**aui-na*-) С. Б. Бернштейн так и привел под рубрикой „словообразовательные варианты“²⁷, последнюю (**uilkītija*-) упомянул О. Н. Трубачев (со ссылкой на Р. Траутмана) в суммарном списке балто-сербохорватских изоглосс²⁸. Таким образом, данную лексико-семантическую группу практически должна изучать не лексикология, а сравнительная дериватология, в частности, словообразовательная география балтийских и славянских языков.

В отличие от названий растений среди наименований животных доминируют южнославянские языки, без которых не обходится ни одна восточно- или западнославянская изоглосса.

1.3.2. Если так можно выразиться, лексическая бедность локальных славянских соответствий балтийским названиям животных объясняется, очевидно, тем, что из индоевропейского лексического наследия праславянский язык сохранил значительную часть названий из области животного мира – намного больше, чем из терминологии растений²⁹. Вот почему трудно было и ожидать какой-либо лексической выразительности от группы названий животных – локальные славянские образования в период возникновения балто-славянских инноваций свелись здесь только к суффиксации.

1.4.0. Птицы – 24 (11): **ānt*- „Ente“ (10) – 1, 3; **āntukā*- „Ente“ (Deminutivum) (10) – 1; **gegala*- „ein Wasservogel“ (74) – 1, 2; **gegužja*- „Kuckuck“ (81) – 1, 2; **gulbja*- : **kulpia*- „Schwan“ (101) – 1, 2; **kōulingā*- „ein Vogel“ (138) – 1, 2; **pīlīā*- „Ente“ (217) – 3; **putītija*- „Vogel“ (Deminutivum) (233) – 1, 3; **uarnītija*- „junger Rabe“ (343) – 3; **žanseinā*- „Gänsefleisch“ (366) – 2; **žansītija*- „Gänschen“ (366) – 3.

1.4.1. Прежде всего следует указать, что около половины приведенных в данном списке наименований – это лексико-словообразовательные соответствия (**antukā*-, **putītija*-, **uarnītija*-, **žanseinā*-, **žansītija*-), которые в

²⁷ С. Б. Бернштейн, Очерк сравнительной грамматики славянских языков, Москва, 1961, 74.

²⁸ О. Н. Трубачев, О составе..., 192.

²⁹ См., в частности, Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов, Київ, 1966, 512.

отличие от названий животных имеют уже только преимущественно, а не исключительно южнославянскую ориентацию.

Среди остальных лексем свою локальную специфику вследствие пополнения данных о географии потеряли: **ānt-*, **kōulingā-* и **pīljā-*. Ср. соответственно н.-луж. *hušica* „утка“³⁰, с.-хорв. *kulik* „*ćukavica* (*Oedicnemus oedicnemus*)“³¹, русск. *пилюк* „небольшая сова, сыч“, в.-луж. *pilo* „утенок“ и др.³² Таким образом, для дальнейшего рассмотрения остаются только **gegala-* и **gegužjā-*, которые в литературе вопроса уже были определены как севернославянские³³.

1.4.2. Отсутствие рефлексов **gegala-* в южнославянских языках, как пишет Я. Струтыньский, „объясняется распространением гоголя, который обитает во всей северной Европе“, так что его ареал „охватывает Поморское и Мазурское Поозерье, а наиболее удаленные на юг места гнездования находятся в области лужичан над Нисой“³⁴. По данным польского исследователя, форма *gagol* (*Vиссerphala clangula* L.) вместо др.-польск. *gogol* (известно под 1584 г.) начинает употребляться только в XIX в.³⁵ Ср. замечание Ф. Славского: „*gogol* в настоящее время лишь местных названиях, напр., *Gogolów*; др.-чеш. уже только в топонимии и антропонимии: *Hohol*, *Hoholici*“³⁶.

1.4.3. Что же касается лексемы **gegužjā-* и производных от нее образований, то она „в более поздний период, наверно, была вытеснена из южнославянских языков формой праслав. **kukavъka*³⁷. Вместе с тем и на территории Польши форма *gżegżółka*, как показывают данные лингвистической географии, зафиксирована только на периферии коренных польских говоров: в верховье Нарева (вблизи границы с БССР), на противоположной, западной окраине — в р-не Познани, а также на юге (Глубчице, вблизи ЧССР), где записано *zeksulka*³⁸. Однако есть основание предполагать, что раньше это наименование птицы было распространено и в бассейне средней части Нарева; ср. в говорах между Писой и Омудевым лексема *gżegżółka* является

³⁰ Ср. М. Фасмер, ЭСРЯ IV 174.

³¹ W. Budziszewska, *Słowiańskie słownictwo dotyczące przyrody żywej*, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965, 106.

³² М. Фасмер, ЭСРЯ III 262.

³³ F. Sławski, SEJP I 309, 389.

³⁴ J. Strutyński, *Polskie nazwy ptaków krajowych*, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1972, 88.

³⁵ Там же, 77 и 88.

³⁶ F. Sławski, SEJP I 309.

³⁷ J. Strutyński, ук. соч., 88.

³⁸ Там же, 149.

самым распространенным вариантом названия божьей коровки (*Coccinella*)³⁹. Таким образом, этот пример можно рассматривать как свидетельство исчезновения термина *gżegżółka* на польской языковой территории (в своем прямом значении он сохраняется только на окраинах).

Несколько более распространенным вариантом является *zazula* и под., который известен вдоль границы с БССР и УССР, а также — в виде острова — к востоку от Торуня⁴⁰. Как *gżegżółka* (*zeksulka*), так и *zazula* (с вариантами) по своей распространенности представляют собой только отдельные вкрапления в основной массив формы *kukulka* и под.⁴¹, являющейся также и литературной. К этому следует добавить, что вариант *zezula* как украинизм отмечается в языке уроженца Львова польского лирика начала XVI ст. Ш. Зилюровича, а в собственно украинских памятниках фиксируется с XVIII в. (*зозуля* и *зазуля*)⁴².

В отличие от польского ареала вариант *язюля* распространен на всей территории белорусского языка, однако в восточной части Белоруссии (к востоку от Минска) с этим названием птицы *Cuculus canorus* L. очень часто конкурируют формы *кукуля* и *кукушка*⁴³. Таким образом, создается впечатление, что на территории ближайших южных соседей балтов — в Белоруссии и Польше в большей или меньшей мере происходит редукция балто-севернославянского наименования кукушки, которое вытесняется общеславянской формой типа *кукуля* и под.⁴⁴

1.4.2—3. Несмотря на признаки явной редукции рассматриваемых названий птиц (прежде всего в западнославянском ареале), их севернославянская приуроченность очень интересна тем, что балтийские соответствия этим наименованиям известны во всех трех языках: прусском, литовском и латышском⁴⁵. Следовательно, речь идет о совместном для всех балтов (как западных, так и восточных) и северных славян языковом переживании. Вместе с тем общей чертой названий, производных от **gegala-* и **gegužiā-*, является то, что они представляют собой удвоение корня звукоподражательного ха-

³⁹ A. Szyfer, *Materiały do językowego zróżnicowania terenu Kurpiowskiej Puszczy Zielonej*, — *Kurpie Puszcza Zielona* (Biblioteka etnografii polskiej, 5), Wrocław — Warszawa — Kraków, 1962, 470. По предположению А. Шифер, название птицы-гадалки было перенесено на божью коровку, которая также служит для различных гаданий (там же).

⁴⁰ J. Strutyński, *ук. соч.*, 149.

⁴¹ Там же.

⁴² Й. О. Дзендзелівський, *Українсько-західнослов'янські лексичні паралелі*, Київ, 1969, 62—63.

⁴³ См. *Дыялекталагічны атлас беларускай мовы*, Мінск, 1963, 309.

⁴⁴ W. Budziszewska, *ук. соч.*, 96.

⁴⁵ R. Trautmann, *BSW* 74, 81.

рактера⁴⁶. Последнее обстоятельство (мотивированность образования) для исследования балто-севернославянских диалектных отношений делает названия птиц менее убедительными, чем названия растений. Именно по этой же причине — ономотопея! — некоторые из балто-славянских инноваций в области глагола не дают основы для каких-либо выводов о совместных языковых переживаниях⁴⁷.

1.5.0. Рыбы — 9 (4): **angurītia-* „Aal“ (Deminutivum) (8) — 3; **ēžgia-* „Barsch, Kaulbarsch“ (73) — 2; **lašāšja-* „Lachs“ (150) — 1, 2; **narša-* : **naršta-* „Laich“ (197) — 1, 2.

1.5.1. Среди названий этой группы литовско-словенская лексико-словообразовательная изоглосса **angurītia-* пополнилась блр. *угóрьч* „угорь“⁴⁸, а лексемы **ēžgia-* и **narša-* : **naršta-* оказались общеславянскими⁴⁹. Таким образом, единственной изолексой искомого плана является балто-севернославянское название лосося. Отметим, кстати, фиксацию этого названия в украинской лексикографии XVII в.: „salm[o], лосо(с) риба“ и „Лóсось. Salmo. Salar.“⁵⁰

1.5.2. Северноевропейскую ареальную приуроченность рассматриваемой лексемы связывают с тем, что лосось водится в реках бассейнов Балтийского и Северного, но не Средиземного морей⁵¹. Следовательно, можно предполагать, что в связи с отсутствием реалии языка южнославянского ареала утратили и ее название, которое при этом, видимо, не было использовано и как „материал“ для наименования других объектов.

Так или иначе, однако из-за вмешательства экстралингвистической географии „аргумент лосося“ на балто-славянском уровне не может быть использован на равных правах с представленными выше севернославянскими названиями растений и некоторых птиц. Ср. указание на важную роль именно таких лексических диалектизмов, „которые обозначают явления, не связанные с местными особенностями природы... Эти диалектизмы можно назвать конструктивными, или структурными, поскольку они обусловлены не пря-

⁴⁶ Ср. М. Фасмер, ЭСРЯ I 425.

⁴⁷ J. Safarewicz, ук. соч., 256.

⁴⁸ О. Н. Трубачев, О составе..., 183.

⁴⁹ М. Фасмер, ЭСРЯ III 65; IV 551. Подробнее о славянских рефлексах **narša-* : **naršta-* см.: Z. Gołąb, K. Polański, Z badań nad słownictwem prasłowiańskim, — Slavia XXIX (1960) 4 528—529.

⁵⁰ Лексикон латинський Э. Славинецького. Лексикон словено-латинський Э. Славинецького та А. Корецького-Сатановського, Київ, 1973, 360 и 364.

⁵¹ См. В. И. Абаев, Скифо-европейские изоглоссы на стыке востока и запада, Москва, 1965, 7; М. Фасмер, ЭСРЯ II 522.

мым воздействием на язык внешних факторов, а особенностями внѹтриязыкового развития, разными способами названия одних и тех же явлений...⁵²

1.6.0. Части тела — 25(4); **burnā*- „Mund“ (40) — 3; **kulkā*- „Hüfte“ (145) — 3; **rēita*- „Oberschenkel“ (242) — 2, 3; **uansā*- „Barthaar“ (341) — 2.

1.6.1. За исключением **burnā*- лексемы, которая, можно сказать, потеряла свою южнославянскую исключительность, все остальные названия частей тела оказались известными во всех трех зонах славянского языкового мира. Так, В. Махек как параллель к болг. *бърна* „губа“ привел словц. *per-na* „то же“⁵³. Ср. в качестве фона диалектную дифференциацию словацкого языка — центр, запад и восток — в отношении наименований *ústa*, *huba*, *gumbi*⁵⁴, из которых первое, в частности, также соотносится с болгарским ареалом. Что же касается болг. *кълка*, то сначала М. Фасмер поставил в один ряд с ним зафиксированное В. Далем русск. *колк* „костяной комель под рогом коровы или быка“⁵⁵, а затем Г. Шустер-Шевц указал в.-луж. *kulka* „щиколютка“, польск. *kulka z cielecia* „задняя ножка теленка“⁵⁶. О рефлексах **rēita*- в украинском и белорусском свидетельствует термин *наритники* „шлея“. Относительно общеславянского характера **uansā*-, видимо, известно было и раньше⁵⁷. Таким образом, среди названий частей тела на поверку не осталось ни одного южнославянского локализма — все они связаны с севернославянским ареалом.

1.1. — 6.1. Подводя итоги, отметим, что из приведенных в „Балто-славянском словаре“ Р. Траутмана 36 случаев локальнославянских (т.е. представленных только в одной или двух зонах этих языков) соответствий балтийским лексемам 9 оказались общеславянскими, т.е. известными в восточно-, западно- и южнославянских языках. В 6 примерах соответствий репрезентация славянских зон расширена до двух. Уточненные и дополненные сведения графически можно представить в следующей таблице, в которой каждый из приведенных примеров отмечен плюсом в соответствующей графе; тот же самый знак, взятый в скобки (+), обозначает лексико-словообразовательную параллель.

⁵² Ф. П. Филин, ук. соч., 605.

⁵³ V. Machek, Zum Wortschatz des Litauischen, — ZfslPh, XXIX(1961) 2, 356.

⁵⁴ A. Nabovštiak, Slovensko-inoslovanské lexikálne vzťahy, — VII Międzynarodowy kongres slawistów, Streszczenia..., Warszawa, 1973, 142.

⁵⁵ М. Фасмер, ЭСРЯ II 291—292.

⁵⁶ Г. Шустер-Шевц, Из славянского этимологического словаря, — Исследования по славянскому языкознанию, Москва, 1971, 480—481.

⁵⁷ М. Фасмер, ЭСРЯ IV 169.

Локальнославянские соответствия в балто-славянской инновационной лексике, относящейся к объектам живой природы и рельефа (на основе словаря Р. Траутмана)

Лексико-семантическая группа	Славянские языки						всего
	восточные	западные	южные	восточные и западные	восточные и южные	западные и южные	
рельеф	+	-	-	+ +	+	+ +	6
растения	+	+	-	+ + +	-	-	5
животные	-	-	(+) (+)	-	(+)(+)(+)	(+)	(6)
птицы	(+)	(+)	(+) (+)	+ +	(+)	-	2(5)
рыбы	-	-	-	+	(+)	-	1(1)
части тела	-	-	-	-	-	+	1
всего	2(1)	1(1)	0(4)	8	1(5)	3(1)	15(12)

1.1.—6.2. Сконцентрированные в таблице данные позволяют сделать некоторые обобщения как по языкам, так и лексико-семантическим группам. Больше всего лексических соответствий (8) являются общими для восточных и западных славян, а наибольшее количество изоглосс (6) обнаруживает терминология рельефа. Что же касается лексико-словообразовательного аспекта, то здесь первое и второе места занимают совместные восточно- и южнославянские (5) и южнославянские (4) соответствия, а в плане семантических групп — названия животных (6) и птиц (5). Таким образом, наблюдается противопоставление южных языков восточным и западным по числу лексико-словообразовательных параллелей с балтийскими языками (4 : 1 : 1). В свою очередь, восточные и западные славяне — как порознь, так и сообща — обнаруживают ряд присущих только им лексических связей с балтийским ареалом в сфере наименований растений (5). Помимо флористической терминологии, восточные и западные, или, как их называют, северные славяне характеризуются также общностью некоторых наименований птиц. Единственное название рыбы (*лосось*), строго говоря, нельзя считать доказательным, так как оно не имеет денотата в южнославянских языках. Наконец, из всех шести лексико-семантических групп только терминология рельефа оказывается наиболее равномерно представленной в попарных сочетаниях географических зон славянских языков.

В общем итоге, отмечая преобладание лексических параллелей (15) над лексико-словообразовательными (12), следует подчеркнуть, что в первых свыше двух третей (11) приходится на исключительно севернославянские языки. Это лексемы (в порядке следования их в словаре Р. Траутмана):

**baugura-*, **budīā-* : **budulā-*, **degut-*, **gegala-*, **gegužja-*, **grumbā-*, **kime-*
na-, **kaupra-*, **kōukšta-*, **lašašja-*, **lukna-*.

1.1.—6.3. Бросая общий взгляд на изменения, которые коснулись географической ориентации славянских локализмов в словаре Р. Траутмана, мы не можем пройти мимо того факта, что не осталось ни одного примера, где бы собственно лексическое (а не лексико-словообразовательное) соответствие балтийским формам ограничивалось южнославянской территорией. Это были: **pīlja-* — среди названий птиц, **salpa-* — рельефа, **burnā-* и **kulkā-* — частей тела. При этом свой особый смысл имеет и то, что расширение ареала произошло за счет как восточно-, так и западнославянской зоны. Строго севернославянскими продолжают оставаться 11 лексем, относящиеся к наименованиям рельефа, растений, птиц и рыб.

По-видимому, любой из диалектов или — шире — диалектных массивов славянских (равно как и балтийских) языков может быть объектом для локальной интерпретации „Балто-славянского словаря“ Р. Траутмана или балто-славянского словаря вообще. Такая „привязка к местности“, вероятно, была бы тем показательнее, чем больше архаики сохраняет соответствующий диалект: общее лексическое наследие балтийских и славянских языков с течением времени, несомненно, уменьшается. И все же в исследовании древнейших балто-славянских языковых связей примат севернославянских языков как прямых территориальных наследников праславянского языка, как кажется, бесспорен. В пользу этого свидетельствует то, что сам фактор территориальной близости или удаленности балтийской языковой области, как можно думать, играет определенную роль в существовании тех или иных севернославянских соответствий. Ср. северо-западную локализацию русск. *блицы*, сохранение польск. *gżegżółka* в бассейне Нарева, указание на частоту употребления термина *grzeba* именно на севере Польши, т. е. все это происходит в широких окрестностях балтийского языкового мира, с одной стороны, и сокращение ареала некоторых западнославянских лексем, начиная с юга, — с другой. Так, чешские рефлексy **gegala-* и **kaupra-* известны лишь в памятниках, причем производные от первой лексемы — уже только в ономастических образованиях.

Все эти примеры, помимо прочего, указывают на перспективность ареального изучения балто-севернославянских соответствий вообще и инновационных — в частности.

2.0. Подчеркивая особый характер балто-севернославянских лексических изоглосс, мы вместе с тем не должны забывать, что наши представления о них были бы далеко не полными, если бы, помимо славянской, оставалась

вне внимания другая, собственно балтийская сторона рассмотренных соответствий. В этой связи вообще следует заметить, что до сих пор при постановке вопроса о необходимости конкретизации балто-славянских лексических связей обычно имеются ввиду главным образом славянские языки. Ср. „намечаются уточнения... не вообще балто-славянские отношения и изолексы, а балто-южнославянские, восточнобалтийско-болгарские, балтийско-лужицкие, балтийско-украинско-белорусские и т. п.“⁵⁸.

Вместе с тем требование дальнейшей конкретизации именно балтийской части соответствий методологически тем более оправданно, что хорошо известна „исключительная диалектная дробность балтийской языковой области при слабой дифференцированности славянской области“⁵⁹. Разумеется, можно говорить о самих по себе неполных балтийских соответствиях в списке общих балто-славянских инноваций. Однако исходя из основной ориентации в этом случае на севернославянские языки, мы хотели бы поставить вопрос о балтийских соответствиях, с одной стороны, уже, а с другой — шире. Уже — это значит взглянуть на балтийский материал только через призму уже выделенных восточно- и западнославянских локализмов. Шире — означает, что в балтийских данных нас интересуют как локализмы, так и общебалтийские соответствия.

2.1. Балтийские соответствия указанным выше 11 севернославянским локализмам, взятые из лексикографического труда Р. Траутмана и уточненные по этимологическим словарям латышского (К. Мюленбаха и Я. Эндзелина), а также литовского (Э. Френкеля) языков, ниже приводятся для наглядности в специальной таблице.

Мы отдаем себе отчет в том, что если бы, не полагаясь только на данные Р. Траутмана, а также их представление в этимологических словарях латышского и литовского языков, и в отношении балтийской части списка инноваций — подобно тому, как это было сделано выше для славянской — была полнее учтена современная литература, то, видимо, приведенная таблица соответствий могла бы выглядеть несколько иначе. И тем не менее основные ее ориентационные показатели представляются нам достаточно убедительными, а выводы, что следуют из данных таблицы № 2, в которой обобщены также и сведения таблицы № 1, можно считать приемлемыми для всей темы локальных инноваций в „Балто-славянском словаре“ Р. Траутмана.

⁵⁸ О. Н. Трубачев, О составе..., 166.

⁵⁹ В. В. Иванов и В. Н. Топоров, К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков (IV Международный съезд славистов. Доклады), Москва, 1958, 39.

Балтийские соответствия северославянским локализмам в балто-славянской инновационной лексике

Лексико-семантическая группа	Балтийские языки						
	латышский	литовский	прусский	латышский и литовский	литовский и прусский	латышский и прусский	латышский, литовский и прусский
рельеф	В З(В?)	—	—	ВЗ	—	—	—
растения	—	В В	—	ВЗ З	ВЗ	—	—
птицы	—	—	—	—	—	—	ВЗ ВЗ
рыбы	—	—	—	—	—	—	ВЗ

Условные обозначения лексем: В — восточнославянская, З — западнославянская, ВЗ — восточно- и западнославянская; (В?) — также и восточнославянская? Единичное (В, З) или двойное (ВЗ) обозначение соответствует одной лексеме.

Выводы

1) Перекрещивание локальных балтийских и локальных славянских соответствий, относящихся к совместным для обеих языковых групп лексическим новообразованиям для называния объектов живой и неживой природы, свидетельствует о преобладании северославянских связей: а) с латышским ареалом — в терминологии рельефа; б) с литовским — в названиях растений. Общебалтийские соответствия исключительно восточно- и западнославянской лексике относятся только к наименованиям птиц и рыб.

2) Обращает на себя внимание то, что на уровне лексем, как правило, отдельным северославянским зонам — восточной или западной — соответствуют отдельные балтийские языки — латышский или литовский, тогда как весь северославянский ареал соотносится с двумя, а то и всеми тремя балтийскими языками. Таким образом, наблюдается нечто в роде прямо пропорциональной зависимости между ареальным распределением славянских и балтийских соответствий в балто-славянской инновационной лексике.

3) Особо следует остановиться на северославянско-общебалтийских наименованиях птиц и рыб. О славянских рефлексах лексем **gegala-* „ein Wasservogel“, **gegužiā-* „Kuckuck“ и **lašašja-* „Lachs“ было сказано выше, о балтийских см. у Р. Траутмана⁶⁰. В двух случаях из трех северославянская локализация этих названий объясняется географическим распростране-

⁶⁰ R. Trautmann, BSW 74 81 150.

нием их носителей, что, безусловно, ослабляет собственно лингвистическую выразительность названных ареалов славянских рефлексов (**gegala-* и **lašašja-*). И все же вне экстралингвистической зависимости остается ареал **gegužja-*, в связи с чем его можно считать весомым свидетельством общепалтийско-северославянских языковых связей.

При этом мы должны иметь в виду, что на фоне сравнительно слабой расчлененности славянского языкового ареала такое свидетельство как общепалтийский характер лексемы имеет особый смысл. Ср. по нашим подсчетам в терминологии рельефа из 22 новообразований в палтийских соответствиях 19 „неполных“ (при 6 в славянских), в названиях растений — 19 из 30, тогда как у славян только 5 и т.д. Следовательно, общепалтийский в этих условиях значительно более редкое понятие, чем общеславянский. Отсюда и большая ареальная значимость первого в проблематике балто-славянских лексических изоглосс.

4) Полученные данные о представительстве отдельных славянских зон в составе балто-славянских лексических инноваций словаря Р. Траутмана ни в коей мере нельзя абсолютизировать. Как неоднократно было показано, новые материалы вносят существенные коррективы в соотношение частной и общей географии тех или иных славянских лексем. Кроме того, уже чисто теоретически, здесь следует учитывать также опыт соответствующих разысканий и в других группах индоевропейских языков. Так, например, по данным ареальных исследований лексики германских языков, наличие определенной лексемы во всех — даже древних, не говоря уже о современных — германских языках „еще не является доказательством того, что она может быть приписана общегерманскому словарю“⁶¹, и, напротив, „представленность какой-либо лексемы лишь в части германских языков еще не означает, что она не была общегерманской“⁶². По-видимому, такие предостережения могут быть адресованы и славянской части „Балто-славянского словаря“ Р. Траутмана.

И все же, сознавая относительность противопоставления частных изоглосс общим, локальным славянским ареалам — общеславянскому, мы тем не менее акцентируем внимание именно на первых.

* * *

*

Представленные выше наблюдения относятся к „четырем стенам“ „Балто-славянского словаря“ Р. Траутмана с различными „пристройками“ из мате-

⁶¹ Э. А. Макаев, Структура и стратиграфия общегерманской лексики, — ВЯ 1965 5 3.

⁶² М. М. Маковский, Теория лексической аттракции, Москва, 1971, 194.

риалов современной литературы. Вместе с тем, как говорится, „не только света, что в окне, — за окном больше“. В особенности это относится к неисчислимым лексическим россыпям балтийских и славянских диалектов как строительному материалу для будущего „Балто-славянского словаря“. И хотя, пока все это будет собрано и обработано, нынешний „Baltisch-Slawisches Wörterbuch“ будет продолжать служить еще не одному поколению исследователей, тем не менее уже сейчас нужно думать о создании нового словаря подобного типа.